

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2021.85.75.007

Применение социологического типа правопонимания в теории конституционно-правовой ответственности

Степаненко Илья Эдуардович

Аспирант,

кафедра конституционного и муниципального права,
Сибирский институт управления (филиал),

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
630102, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6;
e-mail: Stepanenko@mail.ru

Аннотация

В данной статье исследуется влияние социологических представлений о праве на идеи о конституционно-правовой ответственности. С этой целью рассматривается проблема разграничения действия политической и конституционной ответственности, устанавливаются особенности сущностного выражения настоящего вида юридической ответственности в предложениях ученых-конституционалистов. В контексте конституционной ответственности исследуются вопросы, сопряженные с согласованием регуляторов социального, в особенности политического, поведения и основ правового регулирования юридической ответственности. Подвергается анализу допущение неопределенности нормативного регулирования компонентов конституционной ответственности и связанное с ним предложение о расширении правоприменительного усмотрения. В результате определяется роль континентальной и социологической версий правопонимания в теоретических представлениях о конституционно-правовой ответственности. Также анализируется решение об отведении особой роли народу в механизме реализации конституционной ответственности. В частности, осмысливается идея о непосредственной реализации конституционно-правовой ответственности народом, основанная на общих конституционных положениях об особом статусе народа во властной иерархии.

Для цитирования в научных исследованиях

Степаненко И.Э. Применение социологического типа правопонимания в теории конституционно-правовой ответственности // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 8А. С. 60-71. DOI: 10.34670/AR.2021.85.75.007

Ключевые слова

Конституционно-правовая ответственность, конституционная ответственность, социологическое правопонимание, государственное принуждение, юридическая ответственность, политическая ответственность, общественное принуждение, конституционные принципы, конституционное правонарушение, меры конституционной ответственности.

Введение

Исследование правового регулирования явления конституционно-правовой ответственности актуализирует рассмотрение в контексте данного вида юридической ответственности подходов к правопониманию, образующих теоретико-методологическую основу для изучения не только права в целом, но и являющихся его частью отдельных правовых феноменов.

В настоящей статье сделан особый акцент на социологический тип правопонимания в силу того, что большинство ученых-конституционалистов, которым принадлежат научные работы по указанному виду ответственности, придерживаются нестандартных для российской правовой системы ориентиров. Зачастую непредусмотрительное обращение авторов к социологическому направлению правовой мысли проявляется, например, в субстанциональном выражении конституционной ответственности, признаваемой видом юридической ответственности, с помощью социологических категорий, а также смешении ее с другими видами социальной ответственности. Причины подобных авторских усмотрений предстоит проанализировать в рамках данного исследования.

Следует отметить, что юриспруденция, обладая статусом самостоятельной общественной науки, претендует на наличие особой объектно-методологической системы. Однако, несмотря на подобное позиционирование в научном сообществе признается значительная доля вариаций применяемого объектно-методологического аппарата в зависимости от принадлежности правовой мысли или правового регулирования к конкретному типу правопонимания. Это предопределяет очертания пределов части действительности, подверженной правовому осмыслению и упорядочиванию: какие явления и процессы общественной жизни подлежат введению во внутреннее правовое пространство, а какие будут оставлены во вне. То есть проведение абстрактно-условной демаркационной линии, отделяющей правовое от неправового, всегда находится в коннотации с подходом к пониманию права.

Основная часть

Приступая к рассмотрению предлагаемых в научной литературе социологических интерпретаций конституционной ответственности, необходимо представить общее описание социологического типа правопонимания. В социологическом подходе признается плюрализм источников права, так как не только государство, но и другие социальные институты, например, политические партии, способны создавать действенные правила поведения в обществе. Вместе с тем данное усмотрение вызывает дополнительные затруднения при различении норм права и иных социально-нормативных регуляторов (например, морально-этических, религиозно-нравственных норм). В сущности, социологическая концепция права не предлагает конкретных критериев права, сводя разрешение указанной проблемы к обеспечению принудительности действия норм, то есть правом будет правило поведения, гарантом исполнения которого выступает большая сила. Как отмечает С.В. Бирюков, в настоящей концепции имеет место «не другое определение одного объекта исследования, это выделение более широкого объекта в качестве права» [Бирюков, 2017, 15].

В.В. Лапаева выделяет две традиции в социологическом правопонимании: первое ответвление можно отнести к англосаксонской правовой семье, в особенности к американской школе, второе - к романо-германской правовой системе [Лапаева, 2012, 63-68].

Если для первой традиции присуще приписывать особое значение судейскому правотворчеству и личности судьи, то для континентальной социологической модели важны вопросы взаимосвязи права с иными социальными компонентами, происхождения права как социального института.

В представлении таких видных деятелей американской правовой школы, как Р. Паунд и О. Холмс, понятие закона связано с самыми общими нормативными установлениями. Реальное правовое значение законодательных положений приобретает в результате их интерпретации в процессе судебной практики, то есть право отождествляется с судебными решениями, обусловленными множеством обстоятельств в отличие от абстрактного закона и образующими судебный прецедент как основной источник права [там же, 64].

В континентальной же версии социологического осмысления права, как ранее было отмечено, самые различные социальные структуры от государства и политической партии до церкви могут служить проводниками права в социальную действительность: все склоняется к тому, насколько они способны гарантировать эффективность функционирования своих предписаний.

Применительно к феномену конституционно-правовой ответственности специфика социологической трактовки проступает наиболее рельефно в области пересечения данного вида правовой ответственности и политической ответственности. Несомненно, сферы действия права и политики, в которые включены конституционная и политическая ответственности соответственно, пребывают в тесном соприкосновении друг с другом. Так, по утверждению С.Н. Матросова, такие явления общественной жизни, как право и политика, находятся «в неразрывном органическом единстве, и недопустимо противопоставление их друг другу» [Матросов, 2002, 7]. При этом, как полагает ученый, если политика управляет развитием права, то право в свою очередь «облекает политику правового государства в юридические нормы и с помощью правовых механизмов проводит ее в жизнь» [там же].

В теории конституционно-правовой ответственности признается связь исследуемого вида юридической ответственности с явлением политической ответственности. Однако, их соотношение интерпретируется авторами различным образом.

По убеждению В.А. Виноградова, конституционно-правовая ответственность подразумевает главным образом ответственность власти и «имеет четко выраженное политическое содержание», [Виноградов, 2005, 34, 37] что объясняется особенностями юридической природы данного вида ответственности, принадлежащего отрасли конституционного права, которое регулирует, по словам автора, преимущественно политические отношения. Ученый наблюдает сходства конституционной и политической ответственностей по основанию, по кругу субъектов и возлагаемым мерам. По его заключению, реализация мер конституционной ответственности неотделима от наступления негативных политических последствий для субъекта ответственности [там же, 36].

Между тем неясно, как приведенные суждения взаимоувязываются со случаями, относимыми исследователем к действию конституционной ответственности в отношении индивидуальных субъектов права, например, с ситуациями, предусматривающими возможность лишения гражданина статуса вынужденного переселенца в соответствии с подпунктом 1 пункта 3 статьи 9 Закона РФ «О вынужденных переселенцах» [там же, 188-189]. То обстоятельство, что данное положение утратило силу, не устраняет некорректность предлагаемых автором обобщений. Применяемая в данных ситуациях мера конституционно-правового принуждения имеет лишь опосредованную связь с политической стороной общественной жизни.

В конечном счете В.А. Виноградов, солидаризируясь с В.О. Лучиным, отождествляет конституционно-правовую ответственность с политической ответственностью, которая приобретает конституционные формы [там же, 37]. Тем самым ученый противоречит собственным утверждениям о конституционной ответственности как виде юридической ответственности.

Допуская сочетание юридической и политической ответственности, автор не решает проблему согласования общих начал урегулирования правовой и политической ответственности. В.А. Виноградов, как и другие ученые-конституционалисты, не отвечает на вопрос, как несвойственные для политики или же понимаемые в настоящей сфере в ином ключе принципы юридической ответственности, в частности, законности, справедливости, неотвратимости наказания и другие, будут учтены в рамках действия политической ответственности.

В социологической интерпретации конституционной ответственности, предложенной В.А. Виноградовым, ставится знак равенства между регуляторами политического поведения, продуцируемыми социальной практикой, и правовым регулированием юридической ответственности, несмотря на то, что конституционный законодатель в части 3 статьи 55 Конституции РФ допускает возможность регламентации правовой ответственности исключительно на федеральном уровне системы законодательства.

Известный ученый-юрист С.А. Авакьян в советский период высказывал более противоречивые суждения относительно государственно-правовой ответственности, представляющей собой прототип конституционной ответственности. По его мнению, основной предпосылкой применения конституционных санкций является «не нормативный акт, а жизнь», [Авакьян, 1975, 22] то есть правовое регулирование юридической ответственности подчиняется политическим запросам. Очевидно, что такие размышления также не могут отвечать нормам действующего законодательства о юридической ответственности.

В соответствии с представлениями А.А. Кондрашева существование позитивного аспекта конституционно-правовой ответственности обусловлено наличием мер политической ответственности в конституционном праве [Кондрашев, 2011, 39-40]. Данная версия позитивной ответственности, с точки зрения исследователя, выражается в дискреционном праве субъекта, наделенного властью, применять государственно-принудительные меры к подвластным лицам в рамках конституционно-правовых отношений. В качестве примеров указанных мер он приводит отставку Правительства РФ, роспуск Государственной Думы по решению Президента РФ [там же, 44-45]. При этом основание применения настоящих мер не связано с конституционным правонарушением и имеет политическую природу, подразумевая такие критерии, как «некомпетентность, неэффективность в реализации своих полномочий...» [там же, 40].

Вместе с тем автор настаивает на причислении собственной концепции позитивной конституционной ответственности к институту юридической ответственности, так как, невзирая на политическое основание, ее санкции и процедуры их применения получили законодательное закрепление [там же, 42].

Нельзя согласиться с подобным рассуждением по нескольким причинам. Во-первых, основание юридической ответственности является неотъемлемой частью модели данного правового явления. Как уже отмечалось, недопустимо формы отрицательного политического поведения переносить в сферу правового регулирования без учета положений действующего законодательства. Во-вторых, А.А. Кондрашев не аргументирует принадлежность приводимых

мер к правовой регламентации юридической ответственности, хотя наряду с ними существуют и другие формы конституционно-правового принуждения, например, пресекательные или восстановительные, не сводимые к институту правовой ответственности. Автор не отвечает: почему в случае, например, роспуска Государственной Думы РФ не может идти речь о пресечении реальных или потенциальных отрицательных событий как основной цели принудительного воздействия.

Примечательно также, что ученый включает ситуации, вызванные негативным поведением, в регулирование позитивного аспекта конституционной ответственности, наличие которого в действиях (бездействиях) предполагает их согласованность с нормативными предписаниями. Аналогичную связь между позитивной конституционной ответственностью и политической ответственностью усматривает А.В. Крысанов. По его мнению, политическая ответственность выполняет роль «структурного элемента позитивной конституционно-правовой ответственности», причем интегрирован первый вид ответственности в последний в той мере, в какой он закреплен в Конституции и иных источниках конституционного права [Крысанов, 2014, 76-77]. Однако, настоящая позиция имеет все вышеописанные изъяны, так как А.В. Крысанов не решает проблемы, сопряженной с согласованием политических и правовых форм поведения.

Ученые-конституционалисты, различающие конституционную и политическую ответственность, как правило, в целях их размежевания оперируют конституционным деликтом, признаваемым в качестве исключительного основания наступления конституционной ответственности. При этом такое основание получает диффузное нечеткое правовое описание. Его диффузность обусловлена отсутствием прямого закрепления конкретных форм противоправности, которые бы побуждали к принятию мер конституционной ответственности, сходных, по утверждению ученых, с мерами политической ответственности.

Так, А.Л. Сергеев иллюстрирует действие конституционной ответственности примером с отставкой члена Правительства РФ по решению Президента РФ, в котором данная ответственность имеет место в случае совершения указанным субъектом конституционного деликта, правовая характеристика которого заключается в самом нарушении конституционных установлений, притом конструкция данного нарушения остается неопределенной. Иные случаи, повлекшие за собой отставку, свидетельствуют о наличии политической ответственности, с точки зрения автора [Сергеев, 2006, 23].

Подобным образом разрешает проблему разграничения конституционной и политической ответственности Н.М. Колосова, рассматривая, в частности, возможность отнесения добровольной отставки Правительства РФ к мере конституционной ответственности при неисполнении возложенных на него конституционных обязанностей [Колосова, 2006, 63]. Однако, решение об отставке члена Правительства или же самого Правительства основывается на политическом усмотрении Президента РФ. Бесспорно, данное решение может быть мотивировано в том числе нарушением конституционного законодательства. Тем не менее принимая решение о дальнейшей политической судьбе состава Правительства РФ, Президент руководствуется собственными политическими интересами и представлениями, освобожденный от обязанности производить правовую оценку деятельности Правительства.

Исходя из представлений исследователей, одни и те же конституционные положения могут быть истолкованы как устанавливающие либо правовые ограничения, либо политические потери в зависимости соответственно от наличия или отсутствия в содеянном нарушений конституционных норм. Между тем описание признаков такого нарушения не

конкретизируется, на что обращает внимание в своей монографической работе П.П. Серков, в частности, ссылаясь на часть 2 статьи 54 Конституции РФ, закрепляющую необходимость предварительного нормативного фиксирования критериев потенциальной конституционной противоправности [Серков, 2016, 104, 138].

Отдельные авторы предлагают использовать для формирования основания конституционной ответственности конституционные принципы. Согласно рассуждениям С.А. Авакьяна выражение недоверия Правительству, а также отказ в доверии могут последовать в ответ на несоблюдение «общих конституционных принципов – необходимости результативности этой деятельности, а также учета требований, выражаемых парламентом как одной из ветвей в системе разделения властей» [Авакьян, 2001, 24]. По усмотрению Н.М. Колосовой, в ряде случаев установление противоправности конституционного деликта может быть достигнуто «только путем системного осмысления конституционных норм и принципов» [Колосова, 2006, 158].

Приведенная интерпретация назначения принципов, являющихся общими исходными началами системы права, вызывает заслуженный вопрос: за счет чего будет компенсироваться неизбежная в данном случае неопределенность правовых форм конституционного деликта.

Предлагается, например, с целью устранения возникающей правовой неопределенности применять толкования Конституционного Суда РФ [там же, 56-57; Виноградов, 2005, 47-48]. Однако, правовые позиции настоящего Суда не должны подменять нормативного регулирования юридической ответственности, которое, в свою очередь, недопустимо осуществлять, руководствуясь исключительно содержанием принципов, не располагающих для этого конкретным смысловым наполнением.

Особые нетипичные авторские идеи понуждают к расширению сферы правоприменительного усмотрения, что чревато непредусмотрительным сближением действующей системы права с «живым» правом в социологическом правопонимании. Фактически предлагаемый формат регламентации конституционной ответственности не может быть воплощен без изменений основ правового регулирования юридической ответственности, которые предопределяют исключительную роль законодателя в оформлении данного правового института. В то же время ученые-конституционалисты не приводят какого-либо обоснования потребности в таких системных трансформациях, а также не прорабатывают варианты наступления отрицательных последствий от их реализации. На наш взгляд, выдвигаемые идеи являются преждевременными, учитывая исторические и современные реалии процесса правообразования в России.

С позиции социологической концепции права разработчики теории конституционной ответственности проводят сущностный анализ рассматриваемого вида юридической ответственности. Использование социологического подхода проявляется при установлении природы принудительности, относимой к субстанциональным признакам данной ответственности, а также в придании «осуждению» значения сущностного параметра настоящего правового явления.

Согласно теоретическим рассуждениям части ученых, занятых исследованием конституционной ответственности, в сфере изучаемого вида правовой ответственности монополия государства на принуждение урезана, так как принудительность здесь обеспечивается и другими общественными институтами. В.А. Виноградов, например, в контексте конституционной ответственности указывает на применение наряду с государственным иного приравненного к нему общественного принуждения [там же, 39, 45]. С

точки зрения А.А. Кондрашева, главная причина наблюдаемого в научной литературе дефектного понимания конституционной ответственности заключается в сведении ответственности к государственному принуждению [Кондрашев, 2011, 57-58].

А.А. Кондрашев полагает, что действительная принудительность юридической ответственности, в том числе конституционной ответственности, возникает уже с момента совершения правонарушения и может исходить не только от государства, но и других социальных структур (населения, определенных общественных групп) [там же, 57-58]. Причем он объединяет потенциальные результаты такого воздействия в виде возмещения вреда, потери авторитета в коллективе и иные [там же, 55]. То есть ученый делает акцент на критерии действенности регулирования конституционной ответственности, что свойственно для социологического правопонимания.

В.А. Виноградов в подтверждение наличия общественного принуждения в пределах действия конституционной ответственности обращается к положениям об уставе политической партии, содержание которого в соответствии с подпунктом «к» пункта 2 статьи 21 Федерального закона «О политических партиях» должно включать основания и порядок отзыва выдвинутых политической партией кандидатов [Виноградов, 2005, 45].

Представляется, что в данном случае следует учитывать локальное измерение нормативных предписаний, составляющих содержание устава партии. Традиционный подход к определению природы локальных нормативных актов в значительной степени продиктован советской правовой теорией и практикой. Сообразно опыту и научным изысканиям советского периода правовой статус данных актов объясняется их государственным санкционированием, что свидетельствует о производности субъектов локального нормотворчества от государства [Калюжнов, 2012, 214-215].

Подобное описание истоков происхождения локального правотворчества подвергается критике в современной научной литературе. Ученые-юристы выступают против идеи включения всего локального регулирования в систему государственного нормотворчества, так как это отрицало бы существование института саморегулирования гражданского общества, [Давыдова, 2016, 96; Калюжнов, 2012, 216-217] например, при регламентировании общественным объединением собственного функционирования.

Выражая согласие с утверждениями о необходимости признания и поддержания определенной степени независимости субъектов гражданского общества при осуществлении правотворческой деятельности, отметим, что следование результатам такой деятельности, то есть локальным нормативным предписаниям, обеспечивается прежде всего посредством общественного принуждения. Поэтому, возвращаясь к примеру с уставом партии, отнесем предусмотренные в нем случаи противодействия негативно оцениваемому поведению к политической ответственности. Данное решение обусловлено тем, что внутренние акты партии носят подзаконный характер, а введение юридической ответственности, исходя из конституционных установлений, может быть произведено только на законодательном уровне.

Сомнительными выглядят предложения исследователей о месте и роли народа в механизме реализации конституционной ответственности. Одна группа ученых сообщает общеконцептуальное значение идее о конституционной ответственности как ответственности перед народом, который признается общей «инстанцией» настоящей ответственности [Авдеенкова, 2003, 38; Несмеянова, 2002, 20; Крысанов, 2014, 69-70]. Другие авторы обособляют отдельное направление внутри конституционной ответственности, в котором она наступает перед народом [Кондрашев, 2011, 45-46; Колосова, 2006, 48-49].

А.В. Крысанов высказывает мысль о том, что конституционное закрепление принадлежности власти народу само по себе дает толчок к закреплению прямой реализации мер конституционной ответственности народом. Автор соглашается с тем, что субъекты конституционной ответственности в конечном счете несут ее перед народом, в то же время в рамках своей научной работы он подчеркивает отсутствие регулирования непосредственной реализации конституционной ответственности народом «в отношении выборных и должностных лиц федеральных органов государственной власти» [Крысанов, 2014, 70].

А.А. Кондрашев допускает рассмотрение позитивной конституционной ответственности в формате ответственности «органов и должностных лиц перед народом за эффективное руководство государством», притом в качестве примера вводимого допущения использует ситуацию с отставкой «президента в результате референдума» [Кондрашев, 2011, 45-46]. Однако, А.А. Кондрашев не конкретизирует: о каком законодательстве ведется речь, – Российской Федерации или же другого государства. В соответствии с пунктом 2 части 5 статьи 6 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» вопрос о досрочном прекращении полномочий Президента РФ не может быть вынесен на референдум.

По мнению Н.М. Колосовой, применение мер конституционной ответственности к субъектам, наделенным властью, осуществляется народом непосредственно при утрате доверия либо через органы государственной власти, должностных лиц, действующих от имени народа [Колосова, 2006, 48-49]. Автор также не указывает конкретные нормы, регламентирующие конституционную ответственность в случае утраты доверия народа. Между тем согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в постановлении от 02 апреля 2002 г. № 7-П, утрата доверия избирателей (населения) не является основанием для отзыва выборного должностного лица, так как не может быть связана с определенными противоправными решениями или действиями (бездействиями), наличие или отсутствие которых требуется установить в судебном порядке.

Из вышеописанных примеров следует, что ученые-конституционалисты не развивают предлагаемую идею о непосредственной реализации конституционно-правовой ответственности народом, останавливаясь на общих конституционных положениях об особом статусе народа во властной иерархии. Вместе с тем не совсем понятны причины, побудившие исследователей к формулированию предложений о формировании модели конституционной ответственности путем надстраивания отношений, вызванных делегированием народом властных полномочий органам публичной власти.

С нашей точки зрения, народ является абстрактным субъектом конституционного права, которого затруднительно представить в качестве субъекта каких-либо правоотношений. П.П. Серков делает ценное критическое замечание, указывая на то, что в рамках размышлений о правосубъектности народа положение о признании его «единственным сувереном» необходимо связывать с тем обстоятельством, что «в выборах и на референдуме участвует не народ в целом, а имеющий на это право отдельно взятый гражданин РФ. Этот гражданин, а не народ является субъектом соответствующего «избирательного» правоотношения. Сувереном же народ выступает в том числе после подведения результатов голосования как носитель коллективного волеизъявления» [Серков, 2016, 416].

Полагаем, что проявление народом «активности», в частности, на выборах и референдуме характеризует его как политико-правовой эффект, заключающийся в маркировании властных структур как инстанций-выразителей общенациональной воли и интересов. Иными словами, в правовой плоскости субъектность народа носит умозрительный характер, так как не способна

выдержать параметров единой целой сущности, будучи представлена различными социальными группами с разными взглядами и интересами. Возникает следующая ситуация: язык права не позволяет показать, то есть объединить и идентифицировать по общим признакам народ, но указывает на него как на особый политико-правовой результат.

Заключение

Подытоживая результаты проведенного исследования, следует сделать ряд выводов. Во-первых, в теоретических концепциях конституционной ответственности прослеживается влияние континентальной социологической школы права, что прежде всего выражается в смещении сфер действия политической и конституционно-правовой ответственности, а также в применении социологических категорий при субстанциональном анализе данной правовой ответственности.

Во-вторых, в научных работах по конституционной ответственности находит отражение и англосаксонская версия социологического понимания правовых явлений, в которой «закон» объединяет лишь самые общие нормативные предписания, когда право отождествляется с результатами судебной практики. Неопределенность регулирования компонентов конституционной ответственности заставляет авторов уповать на расширение усмотрения правоприменителя, о чем, в частности, сообщают утверждения о решении Конституционным Судом РФ несвойственных ему правотворческих задач в области юридической ответственности.

В-третьих, в контексте конституционной ответственности не решается проблема, связанная с необходимостью согласования регуляторов социального, в особенности политического, поведения и основ правового регулирования юридической ответственности. Наблюдаемые изъяны учения о конституционной ответственности являются недопустимыми в условиях позиционирования Российской Федерации как правового государства и требуют дополнительного междисциплинарного изучения.

В-четвертых, собственные опасения разработчиков конституционно-правовой ответственности перед увеличением конституционных санкций и использованием данной правовой ответственности в политических интересах, по нашему убеждению, должны быть вызваны в первую очередь не количественным возрастанием ее элементов, а недостаточным качеством их правового регулирования. Отсутствие конкретных правовых очертаний механизма реализации конституционной ответственности влечет за собой неправомерное расширение пределов ее функционирования, что также снижает эффективность самого права.

Библиография

1. Авакьян С.А. Актуальные проблемы конституционно-правовой ответственности // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. М.: МГУ, 2001. С. 9-32.
2. Авакьян С.А. Государственно-правовая ответственность // Советское государство и право. 1975. № 10. С. 16-24.
3. Авдеенкова М.П. Конституционно-правовая ответственность в России: проблемы становления и реализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 200 с.
4. Бирюков С.В. Понятие права между юриспруденцией и социологией // Lex Russica. 2017. № 9 (130). С. 9-21.
5. Виноградов В.А. Конституционно-правовая ответственность: системное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 348 с.
6. Давыдова М.Л. Локальный (корпоративный) нормативно-правовой акт как предмет теории права: модификация понятия и терминологические дискуссии // Вестник Волгоградского государственного университета. 2016. № 1 (30). С. 93-98.
7. Калужнов Е.Ю. Нормативизм и юридический позитивизм в исследовании «локальных нормативных правовых актов»: пороки теорий // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. № 1 (16). С. 214-218.

8. Колосова Н.М. Теория конституционной ответственности: природа, особенности, структура: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 368 с.
9. Кондрашев А.А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 416 с.
10. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ).
11. Крысанов А.В. Конституционно-правовая ответственность выборных и должностных лиц федеральных органов государственной власти: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 196 с.
12. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М.: Российская академия правосудия, 2012. 580 с.
13. Матросов С.Н. Теоретико-правовые основы конституционной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 23 с.
14. Несмеянова С.Э. К вопросу о конституционной ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2002. № 4. С. 20-22.
15. О вынужденных переселенцах: закон РФ от 19.02.1993 № 4530-1: [ред. от 08.12.2020].
16. О референдуме Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ: [ред. от 18.06.2017].
17. О политических партиях: федер. закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ: [ред. от 30.04.2021].
18. По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе» в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева: постановление Конституционного Суда РФ от 02.04.2002 № 7-П.
19. Сергеев А.Л. Конституционная ответственность федеральных органов государственной власти Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 189 с.
20. Серков П.П. Конституционная ответственность в Российской Федерации: современная теория и практика. М.: Норма, 2016. 464 с.

Application of the sociological type of legal thinking in the theory of constitutional and legal responsibility

И'ya E. Stepanenko

Postgraduate,
Department of Constitutional and Municipal Law,
Siberian Institute of Management (branch),
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
630102, 6, Nizhegorodskaya str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: Stepanenko@mail.ru

Abstract

The research presented in this article examines the influence of sociological ideas about the right on ideas about constitutional and legal responsibility. For this purpose, the problem of delimiting the action of political and constitutional responsibility is considered, the features of the essential expression of this type of legal responsibility in the proposals of scientists-constitutionalists are established. In the context of constitutional responsibility, the author examines the issues associated with the harmonization of regulators of social, especially political, behavior and the foundations of legal regulation of legal responsibility. The author of the paper analyzes the assumption of the uncertainty of the normative regulation of the components of constitutional responsibility and the

related proposal to expand the law enforcement discretion. As a result, the role of the continental and sociological versions of legal thinking in theoretical concepts of constitutional and legal responsibility is determined. The author of the research also analyzes the decision to assign a special role to the people in the mechanism of implementing constitutional responsibility. In particular, the idea of the direct implementation of constitutional and legal responsibility by the people, based on general constitutional provisions on the special status of the people in the power hierarchy, is comprehended.

For citation

Stepanenko I.E. (2021) *Primenenie sotsiologicheskogo tipa pravoponimaniya v teorii konstitutsionno-pravovoi otvetstvennosti* [Application of the sociological type of legal thinking in the theory of constitutional and legal responsibility]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (8A), pp. 60-71. DOI: 10.34670/AR.2021.85.75.007

Keywords

Constitutional and legal responsibility, constitutional responsibility, sociological legal thinking, state coercion, legal responsibility, political responsibility, public coercion, constitutional principles, constitutional offense, measures of constitutional responsibility.

References

1. Avak'yan S.A. (2001) Aktual'n ye problemy konstitutsionno-pravovoi otvetstvennosti [Actual problems of constitutional and legal responsibility]. In: *Konstitutsionno-pravovaya otvetstvennost': problemy Rossii, opyt zarubezhnykh stran* [Constitutional and legal responsibility: problems of Russia, experience of foreign countries]. Moscow: MSU.
2. Avak'yan S.A. (1975) Gosudarstvenno-pravovaya otvetstvennost' [State and legal responsibility]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 10, pp. 16-24.
3. Avdeenkova M.P. (2003) *Konstitutsionno-pravovaya otvetstvennost' v Rossii: problemy stanovleniya i realizatsii. Doct. Dis.* [Constitutional and legal responsibility in Russia: problems of formation and implementation. Doct. Dis.]. Moscow.
4. Biryukov S.V. (2017) Ponyatie prava mezhdru yurisprudentsiei i sotsiologii [The concept of law between jurisprudence and sociology]. *Lex Russica*, 9 (130), pp. 9-21.
5. Davydova M.L. (2016) Lokal'nyi (korporativnyi) normativno-pravovoi akt kak predmet teorii prava: modifikatsiya ponyatiya i terminologicheskie diskussii [Local (corporate) normative legal act as a subject of the theory of law: modification of the concept and terminological discussions]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State University], 1 (30), pp. 93-98.
6. Kalyuzhnov E.Yu. (2012) Normativizm i yuridicheskii pozitivizm v issledovanii «lokal'nykh normativnykh pravovykh aktov»: poroki teorii [Normativeism and legal positivism in the study of local normative legal acts: the flaws of theories]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State University], 1 (16), pp. 214-218.
7. Kolosova N.M. (2006) *Teoriya konstitutsionnoi otvetstvennosti: priroda, osobennosti, struktura. Doct. Dis.* [The theory of constitutional responsibility: nature, features, structure. Doct. Dis.]. Moscow.
8. Kondrashev A.A. (2011) *Teoriya konstitutsionno-pravovoi otvetstvennosti v Rossiiskoi Federatsii. Doct. Dis.* [The theory of constitutional and legal responsibility in the Russian Federation. Doct. Dis.]. Moscow.
9. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ, ot 14.03.2020 № 1-FKZ)* [The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 No. 6-FKZ, of December 30, 2008 No. 7-FKZ, of February 05, 2014 No. 2-FKZ, dated 21.07.2014 No. 11-FKZ, dated 14.03.2020 No. 1-FKZ)].
10. Krysanov A.V. (2014) *Konstitutsionno-pravovaya otvetstvennost' vybornykh i dolzhnostnykh lits federal'nykh organov gosudarstvennoi vlasti. Doct. Dis.* [Constitutional and legal responsibility of elected and officials of federal government bodies. Doct. Dis.]. Chelyabinsk.

11. Lapaeva V.V. (2012) *Tipy pravoponimaniya: pravovaya teoriya i praktika* [Types of legal thinking: legal theory and practice]. Moscow: Russian Academy of Justice.
12. Matrosov S.N. (2002) *Teoretiko-pravovye osnovy konstitutsionnoi otvetstvennosti. Doct. Dis.* [Theoretical and legal foundations of constitutional responsibility. Doct. Dis.]. Moscow.
13. Nesmeyanova S.E. (2002) K voprosu o konstitutsionnoi otvetstvennosti [On the issue of constitutional responsibility]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 4, pp. 20-22.
14. *O referendumе Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi konstitutsionnyi zakon ot 28.06.2004 № 5-FKZ: [red. ot 18.06.2017]* [On the referendum of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of June 28, 2004 No. 5-FKZ: [ed. dated 06/18/2017]].
15. *O politicheskikh partiakh: feder. zakon ot 11.07.2001 № 95-FZ: [red. ot 30.04.2021]* [About political parties: Feder. Law of 11.07.2001 No. 95-FZ: [ed. from 04/30/2021]].
16. *O vynuzhdennykh pereselentsakh: zakon RF ot 19.02.1993 № 4530-1: [red. ot 08.12.2020]* [On forced migrants: the law of the Russian Federation of 19.02.1993 No. 4530-1: [ed. from 08.12.2020]].
17. *Po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozhenii Zakona Krasnoyarskogo kraya «O poryadke otzyva deputata predstavitel'nogo organa mestnogo samoupravleniya» i Zakona Koryakskogo avtonomnogo okruga «O poryadke otzyva deputata predstavitel'nogo organa mestnogo samoupravleniya, vybornogo dolzhnostnogo litsa mestnogo samoupravleniya v Koryakskom avtonomnom okruge» v svyazi s zhalobami zayavitelei A.G. Zlobina i Yu.A. Khnaeva: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 02.04.2002 № 7-P* [In the case of checking the constitutionality of certain provisions of the Law of the Krasnoyarsk Territory On the procedure for recalling a deputy of a representative body of local self-government" and the Law of the Koryak Autonomous Okrug On the procedure for recalling a deputy of a representative body of local self-government, an elected official of local self-government in the Koryak Autonomous Okrug in connection with complaints of the applicants A.G. Zlobin and Yu.A. Khnaev: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02.04.2002 No. 7-P].
18. Sergeev A.L. (2006) *Konstitutsionnaya otvetstvennost' federal'nykh organov gosudarstvennoi vlasti Rossiiskoi Federatsii. Doct. Dis.* [Constitutional responsibility of federal bodies of state power of the Russian Federation]. Moscow.
19. Serkov P.P. (2016) *Konstitutsionnaya otvetstvennost' v Rossiiskoi Federatsii: sovremennaya teoriya i praktika* [Constitutional responsibility in the Russian Federation: modern theory and practice]. Moscow: Norma Publ.
20. Vinogradov V.A. (2005) *Konstitutsionno-pravovaya otvetstvennost': sistemnoe issledovanie. Doct. Dis.* [Constitutional and legal responsibility: a systemic study. Doct. Dis.]. Moscow.